

Гладышева Стелла Геннадьевна

КЕМБРИДЖСКИЕ ПЛАТОНИКИ: В ЗАЩИТУ СОЗЕРЦАНИЯ

В статье рассматривается проблема идентификации "кембриджских платоников" - представителей философии ренессансного неоплатонизма в Англии XVII в. Позиция "платоников" представлена как показательная для времени мировоззренческого перехода от христианского до-модерна к модерну. Выявлены модернистские черты кембриджского платонизма. С другой стороны, обозначена полемическая направленность мысли "платоников" против модерна; сущность их противостояния новому мировоззрению определена как защита созерцания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 60-64. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 111.84

Философские науки

В статье рассматривается проблема идентификации «кембриджских платоников» – представителей философии ренессансного неоплатонизма в Англии XVII в. Позиция «платоников» представлена как показательная для времени мировоззренческого перехода от христианского до-модерна к модерну. Выявлены модернистские черты кембриджского платонизма. С другой стороны, обозначена полемическая направленность мысли «платоников» против модерна; сущность их противостояния новому мировоззрению определена как защита созерцания.

Ключевые слова и фразы: кембриджские платоники; неоплатонизм; обожение; моральная философия; трансцендентализм; механицизм; пуританизм; созерцание.

Гладышева Стелла Геннадьевна, к. филос. н., доцент
Московский технологический университет (МИРЭА)
svglad@mail.ru

КЕМБРИДЖСКИЕ ПЛАТОНИКИ: В ЗАЩИТУ СОЗЕРЦАНИЯ

Кембриджские платоники – это название школы философов и теологов, которая процветала в Кембридже между 1623 и 1688 гг., – членов по большей части двух кембриджских колледжей – Эммануэль и Христа. Бенджамин Уичкот, Натаниель Кулверелл, Джон Смит, Ральф Кадворт, Генри Мор – все они преподаватели в Кембридже в упомянутый период. Основателем кембриджского платонизма считается Бенджамин Уичкот, который учился, а затем и преподавал в колледже Эммануэль; в 1644-1659 гг. – ректор Королевского колледжа в Кембридже.

Кембриджский платонизм достаточно хорошо изучен за рубежом. Изначально интерес к нему проявляли преимущественно протестантские теологи: в фундаментальном труде Дж. Таллока об английской рациональной теологии и христианской философии [24] второй том целиком посвящен кембриджским платоникам; Дж. Посон посвятил исследованию их места в религиозной мысли отдельное исследование [22].

Однако в XX в. наблюдается усиление внимания к школе также и со стороны философов. Одним из первых посвятил ей отдельную работу Э. Кассирер [20], английское издание (*The Platonic Renaissance in England*) появилось в 1953 г.

В девяностых годах прошлого века было издано несколько научных сборников, посвященных философии самих кембриджских платоников [24], а также анализу их взглядов в философском, религиозном и научном контексте Англии XVII в. [23]. Некоторые труды, в которых значительное внимание уделено кембриджскому платонизму, доступны сегодня на русском языке [18].

Некоторый интерес к «платоникам» можно отметить и в нашей стране. Так, до революции крупными достижениями в рамках названной темы стали: обширная статья А. И. Смирнова в его фундаментальном, но малоизвестном исследовании, посвященном английским моралистам XVII века [17], а также первая часть труда В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры» [11].

Сегодня можно назвать по крайней мере одну диссертационную работу [15]; статьи М. В. Косныревой [12], И. В. Ковалевой и А. А. Семенова [10] и др.

Изучение платоновской традиции в контексте становления новоевропейской этики на протяжении многих лет ведется сектором этики Института философии РАН. Так, анализ творчества кембриджских платоников как предшественников этики сентиментализма представлен Р. Г. Апресяном в 1986 г. [2]. В 2014 г. в труде «История этики Нового времени: лекции и статьи» он представлен в более широких исторических рамках [3]. О. В. Артемьева рассматривает моральную философию кембриджских платоников сквозь призму этического интеллектуализма [4; 5].

Вместе с тем вопрос об идентификации кембриджских платоников в общем остается открытым. Как и вопрос о значении их творчества, об их месте и роли в европейской философии Нового времени. Сами они, разумеется, идентифицировали себя, прежде всего, как христиане и воспринимались обществом как таковые. В большинстве своем они имели священнический сан. С другой стороны, из самого названия очевидна их «вписанность» в традицию платоновской метафизики, ставшей актуальной в эпоху Ренессанса.

Здесь следует отметить, что на время начала Ренессанса в Италии (XIV в.) в Византии приходится очередная – последняя ввиду приближающейся гибели империи – попытка возрождения дохристианского философского миропонимания в его чистоте – в виде неоплатонизма [14, с. 79]. Не имея шансов к развитию на родине, эта, уже вполне очищенная от синтеза с христианством, неоплатоническая философия из Византии проникала в Италию, а затем – за Альпы, достигая Англии. Вначале Гемист Плифон, затем Флорентийская академия: Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино, и другие представители ренессансного неоплатонизма способствовали его распространению по всей Европе. Как раз идеи Флорентийской академии в контексте общего влияния Возрождения начали просачиваться и в Англию с конца XV – начала XVI в. Первоначально им уделялось особое внимание в Оксфордском университете. Но в середине XVII века ситуация изменилась: Оксфорд стал оплотом аристотелизма, а влияние платонических идей, начиная с сороковых годов XVII в., стало расти в Кембридже.

Поскольку платоновское миропонимание исходило из уст христианских богословов, то их самоназвание включало и тот, и другой компонент: «христианские платоники». Многими современниками это сочетание оценивалось как оксюморон: присутствовало понимание, что действительное соединение позиций невозможно – либо христиане, либо платоники.

Но проблема идентификации кембриджских платоников далеко не исчерпывается таким выбором. Дело в том, что после тысячелетия христианства не могло произойти действительного возвращения к античному миропониманию в чистом виде. Возрожденный в эпоху кризиса средневекового мировоззрения «старый» неоплатонизм сыграл важнейшую роль в выражении нового, модернистского взгляда на мир. Существо которого состояло в смене точки отсчета философствования: не мир и не Бог, а разумное «я» индивида оказывается отныне в его центре. Будущая философия получит следующие характеристики: антропоцентрическая и трансцендентальная. Ренессансный неоплатонизм в большой мере ответственен за это.

Вопрос об идентификации кембриджских платоников поэтому может быть уточнен таким образом: было их мировоззрение по своему существу христианским или модернистским? От его решения зависит и оценка их роли в духовной и интеллектуальной ситуации XVII в.: защитники старого или сторонники нового?

Но надо сразу сказать, что однозначного ответа на эти вопросы дать, в принципе, нельзя. Поскольку уже при первых попытках исследования темы быстро выясняется: для характеристики взглядов «платоников» неприемлема сама по себе строгая дихотомия, заложенная в вопросах.

Но одновременно выясняется и другое: как раз ввиду неопределенности и внутренней напряженности позиция, представленная кембриджскими платониками, служит выражением духа эпохи; и она интересна тем, что пробуждает новый интерес к нему, обещая непривычный ракурс взгляда на привычную картину первого века эпохи модерна, где линии разлома со старым, до-модерном, казалось бы, давно и четко обозначены.

При изучении кембриджского платонизма невозможно отрешиться от мысли, что XVII в. – век глобального мировоззренческого перехода: он начался со смеси элементов христианского Средневековья и модернизма и закончился триумфом последнего, началом эпохи Просвещения [28]. Представляется резонным еще раз уточнить вопрос о позиции кембриджских платоников – в свете процессуальности движения от старого миропонимания к новому, – поставив его так: в чем конкретно они шли «в ногу с эпохой», а в чем пытались сопротивляться ее духу, что стремились сохранить. Попытаемся ответить именно на этот вопрос.

В первую очередь можно отметить, что возрождение линии Платона в Англии, в частности, в Кембридже, объективно «работало» на становление модернистской парадигмы уже своим влиянием на становление научно-философского мировоззрения Нового времени. С целью выявления модернистских черт в кембриджском платонизме его вполне возможно было бы рассмотреть в данном «сциентистском» контексте: проследить, например, развитие мысли от метафизических спекуляций Генри Мора к научной интерпретации платоновских идей математиком Исааком Барроу и затем к влиянию этих идей на физику Исаака Ньютона, ученика последнего и корреспондента первого [6, с. 235-236].

Но куда более существенным представляется указать, что модернизм кембриджских платоников выражается в первую очередь в том главном, что делает модерн модерном: в утверждении индивидуального разумного индивида как исходной точки всякого познания. С учетом, что для «платоников» в первую очередь он важен как таковой в аспекте познания религиозного.

Их понимание христианства приближается к тому, чтобы характеризоваться словами «естественная религия». При этом кембриджские платоники, как и их ренессансные предшественники, склонны были рассматривать неоплатонизм в качестве подходящей (и самодостаточной) основы для таковой. Они шли по стопам Пико и Фичино, согласно взглядам которых человек, следующий исключительно собственным внутренним побуждениям, своему разуму, способен самостоятельно восходить к богоподобию.

Правда, представители кембриджского платонизма, возможно, в силу священнического сана, не были столь радикальны в преуменьшении значения внешней божественной помощи. Однако тенденция к признанию первостепенного значения в деле богопознания за человеком и, соответственно, тенденция к преуменьшению значения Откровения, Церкви, Таинств в их учении – очевидна. «Платоников» не без оснований подозревали в ереси, в частности, в арминианской. Однако точнее суть дела выражает прозвище «латитюдериане» (широко-глоточные) [21, р. 62-63], данное за то, что они, как и их ренессансные предшественники, были за предельное расширение, если не упразднение конфессиональных границ; склонялись к идее естественной универсальной религии. К универсальному теизму, как назовет впоследствии это направление В. Дильтей [9, с. 42].

Истина, исповедуемая христианством, для них представлялась достижимой, т.к. она, по их мысли, открывается всем и каждому изнутри естественным разумом – поскольку в нем присутствует божественное начало.

Такое возвышенное понимание собственного человеческого разума и открывало через кембриджский платонизм дорогу новоевропейскому антропоцентризму и трансцендентализму – что выглядело бы, наверное, весьма неожиданным для самих «платоников», но их последователи уже воспринимали ее как некую очевидность [8].

Движение к Богу оказалось в новой интерпретации неоплатонизма движением вовнутрь себя, вело к утверждению автономии «я», к представлению человека о себе как о замкнутой монаде. Для характеристики модернистской перспективы кембриджских платоников оказывается вполне подходящим высказывание А. Ф. Лосева о Н. Кузанском: «виртуозное балансирование на философско-эстетическом и культурно-историческом острие. Малейший шаг вперед – и средневековый универсализм начнет безвозвратно разрушаться и превращаться в абсолютизирование не самого объективного абсолюта, но человеческой личности уже в отрыве от средневекового

универсализма» [13, с. 316]. Неоплатонизм в новой интерпретации из учения о бытии превращался в учение, описывающее человека.

Однако, при всей очевидной теперь направленности к модерну, кембриджские платоники столь же очевидно не могут быть причислены к его сторонникам. Есть в их представлениях нечто существенное, что соznается ими как присущее «старому», христианскому взгляду и сохранение которого видится им принципиально важным. Этим важным и существенным для них оказывается созерцание; признание опыта непосредственного усмотрения вещей и самого Бога как высшей способности и высшей цели человека.

И здесь важна самоидентификация кембриджских платоников: они считали себя чуть ли не последним оплотом христианства; пытались сохранить его как «старый» взгляд на мир перед надвигающимся новым. Последний проницательно оценивался ими как секулярный и даже атеистический. Неотвратимое движение к безбожию находило, в их понимании, свое выражение в трех главных направлениях мысли XVII в.: в новой философии: механистическом рационализме и эмпиризме, а также в новой трактовке христианства, появившейся веком ранее, – в протестантизме. Свое понимание христианской религии они отстаивали в острых дискуссиях с представителями именно этих направлений [7, с. 32-38].

Кембриджские платоники чутко уловили общее направление инверсии мышления в сторону модерна, которая по-разному проявилась в новом типе христианства и в новой философии. Они сформулировали его как свойственное тому и другому утверждение превосходства действия, сообразного с законом, над созерцанием. Сообразное с законом, т.е. рациональное, действие и вправду было признано в эпоху утвердившегося модерна самодостаточным и самоценным; а протестантизм и философия Нового времени сегодня хрестоматийно рассматриваются как его предпосылки.

Кембриджские платоники, как было отмечено ранее, высоко оценивая разум, утверждали обратное – превосходство созерцания над действием. Для них открытие Бога человеком выглядело как «теория», понимаемая вполне по-гречески – непосредственное узрение умом смысловой целостности всего ему предстоящего. Что касается любой осмысленной деятельности, в первую очередь нравственной, то она, в их понимании, могла оставаться таковой только в контексте стремления к конечной цели – ясному и отчетливому созерцанию.

Своих оппонентов они критиковали именно за непонимание созерцания как необходимого условия, предваряющего всякое действие. По их мысли, подчинять свои действия требованиям закона (божественного или научного) без опыта созерцания – это значит действовать вслепую.

Здесь важно отметить и тот момент, что, акцентируя приоритет созерцания по отношению к практике, кембриджские мыслители выступали еще и против подмены теоретического знания чистой рациональностью. Как истинные платоники они утверждали, что смысловая завершенность, открывающаяся в непосредственном созерцании, первична не только по отношению к действию, но и по отношению к формальной, логической системности; к знанию, выраженному в понятиях и законах.

Худшее обвинение активно утверждающемуся типу мысли, предполагающему действие без всякой опоры на непосредственное видение Бога и, соответственно, вещей «в идее», концентрировалось для них в слове «механицизм». Понятно, что данное обвинение относилось к творцам научного естествознания. Но и пуритане характеризовались кембриджскими платониками как «механические христиане» [12].

Достаточно понятно, что кембриджские платоники как наследники ренессансного неоплатонизма в трактовке созерцания следовали, во-первых и в главных, платоновскому его пониманию: «ясное и непосредственное сознание Основы мироздания» для них было почти тождественно понятию «Откровение». Как и для античных платоников, оно было важно для них не самим по себе охватом умом мира в пределе его становления, а сопровождающим его переживанием узренной цельности как красоты [1]. «Истинное – прекрасное – благое» для них – неразрывный синонимический ряд. Само понятие «разум» используется кембриджцами в двух смыслах. Во-первых, как мистическое знание – непосредственное интуитивное переживание единения с Абсолютом. Они используют платоновский термин “intellectual touch”, прикосновение человеческого разума к Божеству. Во-вторых, как ясное созерцание мира идей. То, что истинное знание у «платоников» – это именно знание-переживание, обнаруживается у другого представителя школы – Г. Смита – в словах о том, что знание Бога – это знание того, что наиболее реально; и, хотя это знание духа, а не чувств, это не абстрактное теоретическое знание, оно может быть описано только метафорами, взятыми из ощущений: «Мы должны подниматься над жизнью чувств, чтобы знать Бога, но делая так, мы должны достичь не просто понятийную идею его, но высшую и духовную разновидность “ощущения”, ноззу, которая выше дискурса» [27, р. 138].

Что касается становления нравственности, то оно рассматривается кембриджскими платониками как процесс трансформации человека, стремящегося к предельно ясному созерцанию – обожению. Слово *deification*, неожиданное для западного богословия, появляется у главы школы Б. Уичкота; он предлагал соотечественникам без смущения использовать его [26, р. 62]. Это слово – латинская калька с греческого θεώσις (*теозис*), которое обнаруживается в лексиконе Плотина.

Но трактовку знания Бога как созерцания, теории – результата «теозиса» – можно обнаружить и в патристике. И здесь важно остановиться на общности собственно платонической и святоотеческой позиций, которая, несомненно, имела место в первом, глубоком синтезе «Афин» и «Иерусалима», осуществленном в рамках святоотеческой традиции в первую эпоху становления христианской догматики. В ней было по-гречески проинтерпретировано иудейское понимание высшего блага, высшего состояния человека: как слушания Бога – предстояния перед живой Истиной, в котором человек обретает предельно ясное осознание, созерцание сверхразумного смысла человеческого бытия, разрешающее все вопросы. В патристике оно очень показательно

названо словом «θεωρία». Исцеляющее слышание Бога, стояние в максимальной открытости смысла было отождествлено греческой мыслью со всеохватным взглядом, при выходе из эмпирии открывающем созерцанию универсум как завершенную смысловую тотальность – логически цельную и эстетически прекрасную. Греческая «θεωρία» у Отцов Церкви приобрела неведомый ранее оттенок звучания: состояние высшего блага описывается ею как состояния прямого общения человеческого «я» и божественного «Ты». Но в понимании первостепенного значения опыта непосредственного созерцания она сохраняла при этом близость пониманию теории, сложившемуся в античной философии.

Легко находить примеры общности патристики с античностью в высказываниях ее самых значительных представителей. Например, у прп Симеона Нового Богослова (в Гимне 43) обнаруживается характеристика добродетельного человека как микрокосма, эстетически прекрасной целостности: «Человека, которого Сам Бог сотворил по образу своему и подобию, мы называем миром (κόσμος), потому что он украшается (κοσμεῖται) добродетелями» [16, с. 201].

Первостепенное значение непосредственного созерцания описывается святителем Василием Великим, который указывал на первичность именно нерасчлененного восприятия объекта в мысли и на вторичность понятий. По его мысли, теория – вживание и погружение в предмет – всегда предшествует логическому анализу вещей. Последний никогда не исчерпывает созерцания, всегда остается «иррациональный остаток», неразложимый на признаки; что означает непостижимость вещей в их последней сущности. Относительно вопроса о знании Бога Василий Великий отмечал, что и здесь понятие предполагает предшествующее ему созерцание, в котором открывается Божественная реальность. Понятия же расчленяют данные этого опыта, никогда его точно не выражая, и потому – не заменяя его. Таким образом, согласно святителю, опыт созерцания нельзя свести к понятиям, а понятия возможны и значимы только через него и в нем [19, с. 85-89].

Исходя из сказанного, становится достаточно понятным, что, защищая тезис: знание Бога выражается и реализуется не в практике преобразования природного мира и даже не в самой по себе жизни по Закону, но, прежде всего – в способности к созерцанию, кембриджские платоники не только выступали как наследники своего античного учителя, но также защищали и христианское понимание вопроса, – прежде всего, то, которое было сформулировано в патристике.

Итак, подводя итоги прояснения вопроса о соотношении старого и нового во взглядах кембриджских платоников, можно сказать, что, во-первых, они вовсе не противники нового, а напротив, выглядят как истинные приверженцы модерна, когда фактически соглашались с Декартом в том, что философия должна начинаться с «я»; призывают полагаться на собственный разум. Как отмечает О. В. Артемьева, свою любимую библейскую метафору «Светильник Господень – дух человека...» (Притч. 20:27) «платоники» «интерпретировали в том смысле, что разум – “Божественный руководитель” (*Divine Governor*) жизни человека» [5, с. 212]. Тем самым они становятся «мостом» к позиции трансцендентализма, в русле которого формируется представление об автономии «я» с соответствующими следствиями в сфере этики. Итог развития христианской моральной философии кембриджских платоников в XVIII в. оказался вполне в духе Века разума. Вполне проясняется склонность к ее «позитивной» интерпретации в духе утилитаризма и гедонизма. Исследователь духовной трансформации XVII в. Дж. Крэгг описал получившийся результат следующим образом: «Они рассматривали разум как божественный свет и мораль как плод жизни в Боге; к началу XVIII столетия первый стал называться “здоровый смысл”, а вторая была приравнена к пользе» [21, р. 37]. Этот итог только по видимости парадоксален, а на самом деле – совсем не удивителен.

Но кембриджские платоники – сторонники старого, когда дело идет о магистральной тенденции модерна отдавать «пальму первенства» практике. «Платоники» в этом случае важны напоминанием об угрозе забвения того обстоятельства, что созерцание – это начало и последний смысл практической деятельности. Предупреждением об опасности утраты человеческого в человеке, превращения его в бессмысленно функционирующую машину. Заслуга кембриджских платоников видится в усмотрении близости позиций пуританизма и научного естествознания – исходя из общего для них игнорирования опыта непосредственного созерцания.

Сегодня нетрудно констатировать, что суть позиции, с которой кембриджские платоники защищали «старое», до-модернистское мировоззрение, вряд ли была расслышана современниками. Но, думается, что сегодня, во времена подведения итогов и осмысления плодов модерна, именно она – в их собственном творчестве и в творчестве их последователей, – прежде всего, заслуживает пристального внимания. Ведь очевидно, что здесь «платоники» не были посрамлены: ни в своих пессимистических прогнозах, ни в утверждении первостепенной значимости созерцания.

Путь к прояснению этой очевидности, правда, оказался достаточно долгим. В эпоху модерна человеческое разумное «я» действительно почти безальтернативно рассматривается как субъект действия. В качестве такового оно разрастается до уровня бога, как это видно из развития немецкой трансцендентальной философии от Канта к Фихте. Тенденция к возвращению ценности созерцания возникла, с одной стороны, с выходом немецкой классической философии за пределы трансцендентализма, с возвращением к метафизике в лице Гегеля и Шеллинга. С другой – из уточнения понимания самого трансцендентализма: от неокантианцев – к Гуссерлю. Последний констатировал «кризис европейского человечества» именно в связи с утратой для него тождественности понятий «рациональность» и «осмысленность». Кембриджские платоники удивительным образом сумели сказать то же самое, но не во время подведения итогов развития модернистской парадигмы, а в самом ее начале. Изучение их взглядов поэтому позволяет по-новому увидеть интеллектуальную панораму XVII в. и несколько иначе оценить его переходность.

Список источников

1. **Аверинцев С. С.** Неоплатонизм перед лицом платоновой критики мифопоэтического мышления [Электронный ресурс]. URL: http://www.plato.spbu.ru/resesrch/plato_2400/03.htm (дата обращения: 05.06.2017).
2. **Апресян Р. Г.** Из истории европейской этики Нового времени (этический сентиментализм). М.: МГУ, 1986. 80 с.
3. **Апресян Р. Г.** История этики Нового времени: лекции и статьи. М.: Директ-Медиа, 2014. 359 с.
4. **Артемьева О. В.** Английский этический интеллектуализм XVIII-XIX вв. М.: ИФ РАН, 2011. 196 с.
5. **Артемьева О. В.** Кембриджские платоники // Этика: энциклопедический словарь / ред. Р. Г. Апресян и А. А. Гусейнов. М.: Гардарики, 2001. С. 211-212.
6. **Гайденок П. П.** История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 456 с.
7. **Гладышева С. Г.** Метафизика, гносеология и этика «кембриджских платоников» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 24-41.
8. **Гладышева С. Г.** Нравственная философия «кембриджских платоников»: перспектива развития // Стратегический аспект социально-экономического развития России: сборник научных трудов факультета экономики и управления МГТУ МИРЭА. М., 2013. С. 191-201.
9. **Дильтей В.** Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М. – Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. 463 с.
10. **Ковалева И. В., Семенов А. А.** Общая характеристика философии Генри Мора в контексте основных научных и теологических проблем XVII века // Академия: исследования и материалы по истории платонизма. СПб., 2002. Вып. 5. С. 345-364.
11. **Кожевников В. А.** Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1897. Ч. I. 783 с.
12. **Коснырева М. В.** Основные идеи кембриджского платонизма XVII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool1/07.htm> (дата обращения: 05.06.2017).
13. **Лосев А. Ф.** Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
14. **Мейендорф Иоанн, прот.** Византийское богословие. Мн.: Лучи Софии, 2007. 336 с.
15. **Перепелкина М. В.** Платонизм Ралфа Кедворта: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2001. 21 с.
16. **Симеон Новый Богослов, прп.** Творения: в 3-х т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 3. 392 с.
17. **Смирнов А. И.** Английские моралисты XVII века. Реформа моральных наук и основание научной этики в Англии. Казань, 1880. 440 с.
18. **Талиаферро Ч.** Доказательство и вера: философия и религия с XVII века до наших дней. М.: Знак, 2014. 576 с.
19. **Флоровский Г.** Восточные Отцы IV века. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. 304 с.
20. **Cassirer E.** Die Platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge. Leipzig – Berlin, 1932. 143 S.
21. **Cragg Gerald R.** From Puritanism to the Age of Reason. L., 1966. 299 p.
22. **Pawson G. P. H.** The Cambridge Platonists and Their Place in Religious Thought. L., 1930. 95 p.
23. **Philosophy, Science, and Religion in England, 1640-1700** / ed. by Richard W. F. Kroll, Richard Ashcraft, Perez Zagorin. Cambridge University Press, 1992. 287 p.
24. **The Cambridge Platonists in Philosophical Context** / ed. by G. A. J. Rogers, J. M. Vieime and Y. C. Zarka. L., 1997. 249 p.
25. **Tulloch J.** Rational Theology and Christian Philosophy in England in the Seventeenth Century: in 2 vol. Boston: Adamant Media Corp., 2005. Vol. 2. 500 p.
26. **Whichcote B.** The Manifestation of Christ and the Deification of Man // The Cambridge Platonists / ed. by C. A. Patrides. L.: Arnold, 1969. P. 62-76.
27. **Willey B.** The Seventeenth-Century Background. N. Y.: Columbia University Press, 1967. 334 p.
28. **Willey B.** The Touch of Cold Philosophy // The Seventeenth Century: Studies in the History of English Thought and Literature from Bacon to Pope by Richard Foster and Other Writings in His Honour. Stanford, California: Stanford University Press, 1951. P. 369-376.

CAMBRIDGE PLATONISTS: IN DEFENCE OF MEDITATION

Gladysheva Stella Gennad'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Moscow Technological University (MIREA)
svglad@mail.ru

The article examines the problem of identifying “Cambridge Platonists” – representatives of Renaissance Neo-Platonism philosophy in England of the XVII century. According to the author, the conception of “Platonists” is representative for the period of ideological transition from Christian pre-modernity to modernity. Modernistic features of Cambridge Platonism are revealed. On the other hand, the paper emphasizes polemic orientation of arguments of “Platonists” against modernity; essence of their opposition to new ideology is interpreted as defence of meditation.

Key words and phrases: Cambridge Platonists; Neo-Platonism; deification; moral philosophy; transcendentalism; mechanicalism; precisianism; meditation.